

ОУИ НБ МГУ №118-119

Воспоминания об Алексее Ремизове

<http://oralhistory.ru/talks/orh-118-119>

🎙 3 июля 1969

Собеседники

Сосинская Ариадна Викторовна, Сосинский Владимир Брониславович

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 3 июля 1969 и опубликована 31 октября 2017.

Введение

Третья беседа с Ариадной и Владимиром Сосинскими полностью посвящена личности писателя и мистификатора Алексея Ремизова. Сосинские были близко знакомы с Ремизовыми и часто гостили в их доме. С удивительной открытостью и откровенностью Сосинские рассказывают о характере писателя, его взаимоотношениях с женой, атмосфере дома и семейной трагедии, в результате которой Ремизовы остались без дочери.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Ну, рад вас видеть у себя. И сегодняшнюю, третью теперь уже встречу мы посвящаем Ремизову. Говорит Аркадия... *(поправляется)* Ариадна Викторовна. Никак не могу...

Владимир Брониславович Сосинский: Ариаднина нить.

В.Д.: ...Ариаднину нить уловить. Ариадна Викторовна, вы начинаете рассказывать о Ремизове.

Ариадна Викторовна Сосинская: О Ремизове, да.

В.Д.: Пожалуйста.

А.С.: Мне вообще посчастливилось встречать очень много интересных и замечательных людей: и известных, и, может быть, ничем не прославившихся, но тем не менее очень интересных, но я думаю, что все-таки самый замечательный из всех людей, которых я встречала, был Алексей Ремизов. Я первый раз видела его совсем маленькой девочкой, вероятно, в 18-м году в Ленин... тогда это был Петроград, потом я видела его в Берлине в 22-м году и потом в течение всего его парижского периода. В последний раз я его видела в 55-м году. Мы очень часто видались с ним и очень много и близко... близки были и с его женой, и с ним. Алексей Михайлович...

В.Д.: Как звали его жену?

А.С.: Серафима Павловна Ремизова-Довгелло, которой были посвящены все его книжки. Теперь. Алексей Михайлович действовал на всех людей, даже на тех, которые не понимали его и не могли его читать.

Как только вы входили в его квартиру — все люди делались совсем другими: как-то все подбиралось, говорили тише и просто делались как будто сами немножко под Ремизова. Все как-то чувствовали... какое-то впечатление будто бы... ну, как бы рядом находился какой-то больной человек, как-то все затихало. И те люди, очень толстокожие, на которых он не действовал, просто звучали как диссонанс какой-то в его квартире. Бывали иногда такие женщины грубые, которых он ужасно боялся...

В.Д.: Непробиваемые.

А.С.: Да-да. Такие резкие. А все остальные сразу делались другими.

В.С.: Эта атмосфера начиналась в квартире Ремизова еще перед входной дверью, на которой обычно висела или какая-то ленточка, или записочка, золотая бумажечка. И вот отсюда, когда вы видели эту дверь, вы уже входили в эту атмосферу, которая вас необыкновенно... сразу же покоряла.

В.Д.: Немножко сказочная, да?

В.С. и А.С.: Да.

В.Д.: Это верное слово?

В.С.: Верное слово.

А.С.: Когда Алексей Михайлович встречал, первое его слово было какое-нибудь самое простое, бытовое: что-нибудь о том, что, ах, у него кран испортился или: «Вы знаете, вот сегодня у меня не вынесена „ордюрка“*» — это называлось ведро...

* От фр. ordure — мусор.

В.С.: Ведро помойное.

А.С.: ...помойное.

В.Д.: (смеется) Ордюрка? Какая прелесть!

В.С.: Ордюрка.

А.С.: Вот что-нибудь самое такое... потому что как-то у него сразу контакт с человеком устанавливался.

И сначала ему надо было что-то простое сказать, а потом уже он вводил к себе в комнату, и там висели его знаменитые игрушки, о которых так много говорили. Последние годы у него были то, что он называл «витро»*: он делал из ярких бумажек такие вот склеенные очень красивые вещи. Там он садился за стол, там же были его папиросы, которые он сам набивал. Вас он сажал куда-нибудь рядом, и тут уже начинались литературные разговоры.

* От фр. vitraux — витражи.

В.С.: Чаще всего напротив.

А.С.: Да, да. И тут уже начинались литературные разговоры: или о том, что он писал, или о какой-нибудь вновь полученной книге. Он очень много книг покупал, даже когда у него совсем не было денег, советских изданий, литературоведческих и всегда с громадным интересом говорил об этом, потому что он совершенно не терпел пустых разговоров.

В.С.: Да.

А.С.: И уже потом, когда посидели у него, всех гостей он провожал к себе в так называемую «кукушкину комнату», где висели часы с кукушкой, там был стол, где пили чай, была знаменитая «конурка», то есть большой такой ящичек, или коробка, в которую складывались всякие остатки еды. Если было что-то вкусное, значит угощались этим, если была большая бедность у них, тогда извлекались из «конурки» какие-нибудь сухарики, печенье или что-нибудь. Называлась «конурка». Вот. Там сидела Серафима Павловна, очень полная, с удивительно таким властным и в то же время приятным лицом, и принимала всех...

В.С.: По облику она напоминает мне Анну Андреевну Ахматову...

А.С.: Да, по такой какой-то...

В.С.: Королевской...

А.С.: ...королевскому такому...

В.Д.: Осанке?

А.С.: Да, осанке такой. Вот немножко тоже вдова Грина, по-моему, у нее тоже есть такое. В современных женщинах этого как-то уже не встречается.

О внешности Ремизова

В.Д.: А вот его внешность?

А.С.: Его внешность? Он был небольшой очень. В те годы, когда я его знала, особенно в последние, уже сильно сгорбленный, всегда очень мерз, всегда он носил какие-то шкурки, как он их называл, много свитеров или каких-то теплых вещей, и еще плед, когда бывало холодно, потому что он всегда мерз.

В.С.: Некоторые считали его горбатым.

А.С.: Но он не был горбатым.

В.С.: Он не был горбатым.

А.С.: И некоторые считали его некрасивым. Но, по-моему, просто у него было изумительное лицо: во-первых, светящиеся необычайно глаза, потом очень выразительный рот, и даже вот такой смешной немножко нос утиный, это придавало что-то очень забавное и смешное ему.

В.С.: Но самое замечательное — это брови.

А.С.: И брови, да. Брови...

В.С.: ...которые двумя прямыми линиями...

А.С.: ...шли наверх, как будто рожки какие.

В.Д.: А сам он небольшой?

А.С.: Небольшой, небольшой.

В.Д.: Так что рядом с супругой величественной он был, так сказать, казался такой запятой, да?

В.С.: Есть такое.

А.С.: Но как-то все-таки в нем было что-то такое интенсивное и сильное, что все-таки, сосредотачивалось все, конечно, на нем.

В.С.: На нем.

Об игрушках и «релаксе»

А.С.: Вот. Теперь его вот эти игрушки и украшения такие — всегда это считалось немножко чудачеством. Но он совсем не был чудачком. Он был, как тоже многие из его поколения... как-то он иначе мир воспринимал, как, скажем, и Блок, и Белый, позже Пастернак. Они вовсе не хотели быть непохожими на других людей, правда? Но это просто в них было, я не знаю, очень сильно, но он вовсе не хотел... А вот эти игрушки или, скажем, его обезьяньи палаты — это был просто его отдых, потому что он был настолько человек с напряженными чувствами, настолько... и совершенно не умел отдыхать. Вот все мы в какой-то момент мы отдыхаем, мы... не знаю... пьем чай...

В.С.: То, что мы обозначаем словом «релакс».

А.С.: «Релакс», да. Мы идем гулять, мы читаем какую-нибудь дурацкую книжку иногда, мы идем в кино иногда просто посмотреть какую-то вещь, чтобы развлечься. Для Алексея Михайловича этого не было. Он всегда... если он книгу читал, тоже он читал не так, как мы. Он произносил внутренне каждое слово и каждую букву. И он очень ценил тех людей, которые хорошо произносят. Когда вы разговаривали, он тоже слушал каждое ваше слово. И он просто не мог бы жить в таком напряжении, если бы он не придумывал себе каких-то пустячных глупостей. Вот это были часто эти игрушки, это были иногда шуточные письма какие-то, которые он писал. Это были, как в его вещах тоже есть очень напряженные моменты, есть моменты интермедий, когда он вводил в свои романы или даже... вот, «Грудцын», есть у него такая вещь, «Савва Грудцын», знаете? Знаменитая вещь. Он переписал ее...

В.С.: На свой лад.

А.С.: ...на свой лад, да. И там он вводил даже своих знакомых и какие-то шуточные... но это всегда были маленькие интермедии, чтобы не было слишком напряженной, слишком...

В.Д.: Концентрированной прозы.

Как читал и слушал Ремизов

А.С.: ...концентрированной, да, прозы. Слушал он необычайно, конечно, каждое слово и изумительно читал. Читал он не только свои вещи, но и других писателей, особенно если собиралось много народу и начинались пустые разговоры, которых он не терпел, тогда он занимался... читал. В последние годы, когда он уже не мог читать, он просил кого-нибудь почитать.

В.Д.: Просто читал художественную литературу?

А.С.: Художественную, да-да.

В.Д.: Кого, например?

А.С.: Он читал Толстого. Например, на вечерах он совершенно изумительно читал рассказ Толстого «Три старца», так, как он написан у Толстого, но он убрал два или три слова, два или три лишних эпитета, может быть, сократил какую-нибудь одну фразу. Получился совершенно изумительный и стилистически рассказ. Знаете, там толстовская вся прелесть, но плюс... еще он немножко... он ничего не прибавил к Толстому, ни одного слова, но немножечко как бы ретушировал. Читал он еще и Пришвина. Что еще? Гоголя он изумительно...

В.С.: Лескова очень... читал, Гоголя — «Вий».

А.С.: Рассказы. Да, «Вий» читал.

В.С.: Пушкина — «Сказку о рыбаке и рыбке».

А.С.: Да. Читал он совершенно изумительно, и голос у него делался необычайно сильный. Ведь когда устраивались вечера, то на больших вечерах он читал в большом зале, и каждое слово было слышно отчетливо и совершенно необычайно. У него был очень такой московский говор, он был... но такой... не акающий такой, как сказать... а именно настоящий, из настоящей такой московской... потому что сам он был из купеческой семьи, и детство свое он пел в церкви, так что он очень любил церковный лад, хотя не был религиозным, но очень любил...

О религиозности Ремизова. Рисование. Незащищенность

В.Д.: Не был религиозным?

В.С. и А.С. (хором): Нет!

В.С.: Серафима Павловна была религиозна.

А.С.: Его жена — да. А он...

В.Д.: А Серафима Павловна была религиозна?

А.С.: Да, очень, да-да. А он страстно любил церковь просто потому, что церковь для него представлялась местом, куда приходили люди в горе, правда, главным образом в горе. И вот это как какая-то соборность человеческая. А сам он совсем не был религиозным, и когда он, например, умирал моя сестра была с ним, он сказал: «Хотите — меня хороните. Лучше бы меня сожгли, потому что моя стихия... я люблю огонь. Лучше всего — это крематорий. Ну, в общем, сделайте, что хотите. Вообще, хоть в ордюрку бросьте — мне совершенно все равно». Потому что для него это было совершенно несущественно.

Алексей Ремизов. Рыба Мелюзина. 1949

В.С.: Он еще ценил в церкви песнопения.

А.С.: Песнопения старинные.

В.Д.: И знал, конечно, хорошо?

А.С.: Он знал, конечно, все, потому что, когда он был мальчиком, у него был необычайно тонкий и высокий голос, и он пел в церкви, так что он знал службу, конечно, замечательно. Но так же <нрзб> для него были и черти и всякие... всякие народные сказки. Это было все в том же духе.

В.Д.: Это что же, все была игра или какой-то такой уже миф, скорее?

А.С.: Что именно?

В.Д.: Нет, ну, вот, черти и все прочее — это, так сказать, чисто игровое?..

А.С.: Это игра, игра, именно тот отдых, о котором я говорила. Ему надо было как-то отдохнуть. Мы не могли себе представить Алексея Михайловича за... за...

В.Д.: Пасьянсом?

А.С.: ...пасьянсом или за какой-то такой... Ему надо было что-то...

В.С.: Но за рисованием часто мы его видели.

А.С.: Да, уже в последние годы он стал очень много рисовать. У него есть чудесные альбомы. Началось это тоже с шутки, а потом постепенно он увлекся, и многие его альбомы очень нравились, у Пикассо есть, у Лифаря, у многих известных людей.

В.С.: У Андре Жида.

А.С.: Да, у Жида, кажется. Вот. Что еще я хотела сказать? Да, о страшной незащищенности Алексея Михайловича, он ужасно страдал...

” Я уже говорила, кажется, что у него как будто бы не было кожи, что всякий внешний шум, движение — все это действовало на его нервы, как будто они были не защищены. Очень он боялся жизни, боялся консьержек.

В Париже это вообще грозная была...

В.Д.: Консьержка — это привратница?

А.С.: Привратница, да.

В.С.: Префектуры полиции. Перемена, например, паспорта... там давались на сроки паспорта, и надо было ходить туда, скажем, каждые пять лет. Для него это было колоссальное событие. Нужно было самому прийти в префектуру полиции для продления паспорта. К этому он готовился, как к Страшному суду.

В.Д.: Боже мой! У нас тоже... больше...

А.С.: Но у нас как-то менее страшно это все-таки.

В.Д.: Сейчас да.

А.С.: Может быть. Ну вот, и... Даже когда он на улицу выходил: сильный ветер, резкий свет — все это действовало. И вот эта слабость, незащищенность, с одной стороны, а с другой стороны, необычайная душевная сила и какая-то большая сила любви и духовная очень большая напряженность — это был тот контраст, который, может быть, составлял одно из самых больших его очарований: такая слабость, с одной стороны, и очень большая сила с... Вообще он никогда не боялся...

В.Д.: Сила духа.

А.С.: Духа, да... никогда не боялся ни горя... никогда нельзя было себе его представить, чтобы он бежал бы или старался забыть что-нибудь. Наоборот. У него каждое горе с ним жило всю жизнь. Так вот было... у него с дочерью было большое несчастье.

Трагедия с дочерью

В.С.: Расскажи.

В.Д.: Пожалуйста.

А.С.: Когда он был еще... Да, в 1905 году, кажется...

В.С.: Да.

А.С.: ...родилась его дочка. Он тогда был в редакции, работал, но очень-очень был беден...

В.С.: Нуждался.

А.С.: Очень нуждался. А жена его работала, давала уроки и тоже... Она была сама из очень богатой семьи Довгелло, у них было имение, в общем, она привыкла жить хорошо, но тут она, значит, с ним разделяла бедность. У них родилась дочка. Алексей Михайлович страшно ее любил. Дочка Наташа. Ею массу [времени] занимался. Рассказывали, как он ее пеленки сам стирал и ее одевал и все. Ну, в общем, они переехали в очень сырую, плохую квартиру, денег не было, и Серафима Павловна на лето, а потом и на зиму, поскольку квартиры они не могли хорошей найти, отдала ее своим родителям. И девочка настолько привыкла к тетке и к своей бабушке, и бабушка была больна и говорила, что она без этой девочки заболеет и умрет, и в общем девочка осталась в этой семье. Серафима Павловна была очень резкой и властной, и когда она увидела, что ребенок от нее как-то отошел, вместо того, чтобы терпеливо, с материнской любовью как-то ее к себе приучить опять, она разорвала. И уже в доме не говорилось об этой девочке.

В.Д.: А сколько девочке было лет?

А.С.: Я не знаю. Ей было, ну, наверное, четыре-пять... совсем мало.

В.С.: Даже больше, может, пять-шесть.

А.С. Все равно совсем маленькая. И она при Серафиме Павловне никогда не упоминалась. Если кто-нибудь приезжал, не зная, и говорил об этом, Серафима Павловна вдруг замыкалась в таком молчании, которое тяжело нависало над комнатой, и все замолкали и об этом не говорили.

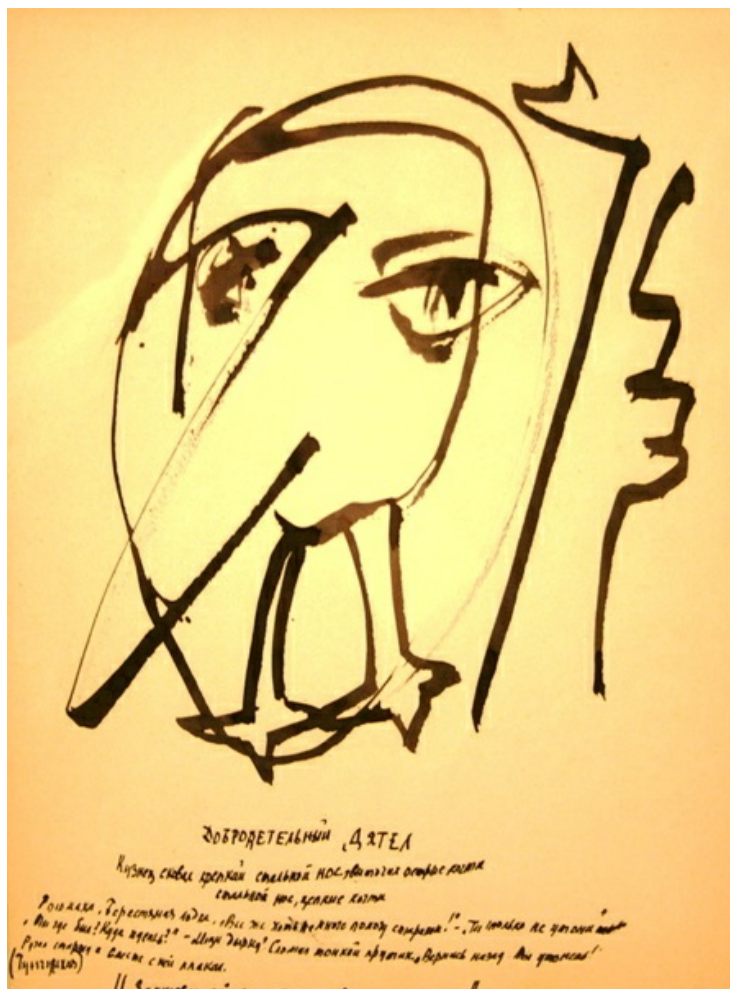
В.Д.: Какой-то это собственно психологически...

А.С.: А Алексей Михайлович чувствовал ужасно, что именно это вина его, что он, мужчина, не сумел обеспечить нормальной жизни, и он всю жизнь... и чем дольше он жил, тем больше это его как-то прожигало ощущение.

В.С.: Иметь ребенка и его как бы убить в жизни своей, отстранить...

А.С.: Отстранить от себя.

Алексей Ремизов. Добродетельный дятел. 1949—1951

В.Д.: Я понимаю, может, как раньше проклинали дочь, которая вышла замуж за чуждого отцу человека против его воли, — это еще понятно. Но как можно, так сказать, проклясть свою шестилетнюю дочь?! Это какой-то психологический вывих.

В.С.: Фактически для Алексея Михайловича это превратилось в большую трагедию.

В.Д.: Ну, что же она-то его не жалела?

А.С.: Она была какая-то страшно прямолинейная. Всегда Алексей Михайлович говорил, что я всегда хожу извилами, мои пути извилистые, а Серафима Павловна всегда идет вверх.

В.С.: Напролом.

А.С.: Я думаю, что правильнее было бы сказать «напролом», но он говорил именно «вверх». И вот когда после войны...

В.Д.: С точки зрения религиозной, это тоже странно — отказаться от дочери.

А.С.: Да, ужасно. После войны он, когда была объявлена возможность взять советский паспорт, он взял советский паспорт и хотел вернуться в Россию, чтобы увидеть дочь. Уже Серафима Павловна умерла.

В.Д.: Она осталась в России?

А.С.: Да, она осталась в России. Но он узнал, что дочь умерла во время оккупации в Киеве. Она жила в Киеве. И остался внук, которого мы недавно видели.

В.С.: Он к нам приехал из Киева. Очень близок по внешности Алексею Михайловичу: по росту, и сзади плечи его, хотя не такая сгорбленность. Если бы ему одеть очки роговые, был бы очень... молодой Ремизов.

В.Д.: А он вообще кто?

В.С.: Он профессор западноевропейской литературы в Киевском университете.

В.Д.: Талантливый человек, не знаете?

В.С.: Никакого сомнения, что способный очень, знающий языки европейские, великолепно говорящий по-французски, потому что французский его мы отметили: с таким произношением, которое редко у русского эмигранта могло быть. Так что он, находясь в России, никогда не будучи во Франции, приобрел ту французскую чеканность языка, которая дается с большим трудом. Как это случилось? Потом он нам сказал, что, оказывается, с детства была женщина, гувернантка или что-то такое, которая всегда с ним говорила по-французски.

В.Д.: Простите, Ариадна Викторовна, раз уж мы этого коснулись, потом не будем возвращаться: а какова судьба этой Наташи? Она, значит, росла в семье бабушки?

А.С.: Бабушки, да, с теткой, собственно говоря, с теткой, которая сама не была замужем и все посвятила, значит, своей племяннице и ее сыну потом уже.

В.Д.: Значит, это была сестра Серафимы...

А.С.: Серафимы Павловны, да. Потом уже, после войны, они написали в Киев как-то, Серафима Павловна умерла, и вот Алексей Михайлович хотел туда поехать, но уже было поздно — Наташи не было.

В.Д.: А Наташа... ведь она родилась где-то около 5-го года.

А.С.: Да-да-да.

В.Д.: Значит, пятый, тридцать пятый — тридцать лет, в начале войны ей было уже тридцать шесть лет.

А.С.: Да-да.

В.Д.: Она кем стала?

А.С.: Она тоже занималась литературой.

В.Д.: За кого вышла замуж?

А.С.: Нет, она, в общем... замужество было неудачным, она разошлась и...

В.Д.: Так что этот внук, так сказать, безотцовский?

А.С.: Безотцовский.

В.С.: Безотцовский, да.

А.С.: А она занималась тоже литературой, писала между прочем даже стихи, но не очень, кажется, талантливые, такие, немножко в стиле Лохвицкой или Северянина даже, кажется, да? И занималась литературой тоже.

В.Д.: Что ж, преподавала?

В.С.: Преподавала и давала уроки... и даже, кажется, печаталась где-то, да?

В.Д.: Ее... у нее неприятностей не было за то, что отец... значит, она была сыном Ремизова-эмигранта, так сказать, у нее в 30-х годах не было?..

А.С.: По-моему, нет.

В.Д.: Хотя, кажется, к этому относились терпимо все время.

А.С.: Никаких же сношений не было, так что...

В.Д.: У нее не было переписки?..

В.С.: Переписки не было.

В.Д.: С отцом не было?

А.С.: Нет, нет.

Об отношениях с женой

В.Д.: Значит, Серафима Павловна и Алексей Михайлович жили вдвоем, так сказать, и и у них не было ни родни, с которой они были близки?..

А.С.: Нет-нет. Для Алексея Михайловича вообще весь мир разделялся на всех людей и Серафиму Павловну. И пока она была жива, он даже к людям, мне кажется, менее... даже не с таким интересом относился, то есть для него они не вполне...

В.С.: Нет, не с интересом. Он всегда с интересом к людям относился как к материалу, материал его самый крупный в творчестве — это люди. Но он менее любил людей, когда Серафима Павловна была жива. А когда она умерла...

А.С.: ...умерла, тогда как-то больше понадобились. Он горячее относился к людям. Потому что раньше он... вы как-то приходили и... вот вы единственно чувствовали его внимание, если у вас было горе. Даже если человек весело говорил, и это было в нем скрыто, он всегда замечал, всегда. Вы могли сидеть, ни одного слова не сказать, что-нибудь так весело говорить, но он обязательно замечал, если у вас было...

В.С.: Вот именно, значит, проникновение в чужие души у него было необыкновенное, он к людям относился со вниманием.

А.С.: Но они все-таки не так были ему нужны. А после смерти Серафимы Павловны он как-то ближе и... его окружало очень много женщин особенно, которые помогали ему и делали все, что могли для него. Он называл это «мои ангелы-хранители» и... потому что без помощи он даже не мог бы себе не купить ничего, он почти не выходил, так что все это было заботами людей, его окружающих.

В.Д.: Если, скажем, Серафима Павловна... ну, кто-то ей не понравится — это значило, что для него уже вход закрыт, и он уже...

А.С.: Да-да-да.

В.Д.: Она вмешивалась?

В.С.: Она была очень властная.

А.С.: Очень, очень. Вот был такой случай: был писатель такой — Кессель, французский...

В.С.: Жозеф Кессель, один из крупнейших...

А.С.: ...который написал книжку об одном... и взял внешность Алексея Михайловича для человека, который совсем не был похож на него: какой-то человек, какие-то там романы, довольно грязные, ну как, вообще, полагается...

В.С.: Называется даже «Княжеские ночи».

А.С.: Нет-нет-нет, это другой. Это был русский, который... у него какие-то романы с консьержкой или что-то, ну, в общем, знаете, как любят расписывать на Западе. Но взята была внешность Алексея Михайловича и вот эти его игрушки.

” И Серафима Павловна ужасно возмутилась. Когда она прочла это для нее свет померк, она сейчас же вызвала всех, с кем она могла поделиться, сказать, и для нее просто было ужасно, как будто оскорбили, растоптали ее душу, вошли в их... что-то похитили, как она говорила. Вот такие громкие слова.

Для Алексея Михайловича, конечно, это совсем было не так, потому что сам он любил и пошутить, и кого-то привести в своих произведениях...

В.Д.: Мистифицировать.

А.С.: ...мистифицировать и так далее, так что, конечно, он никак не мог обидеться. Но ради Серафимы Павловны он разорвал с Кесселем...

В.С.: Все игрушки снял.

А.С.: ...все игрушки снял. И все это случилось еще потому, что после выхода этой книги к Алексею Михайловичу вдруг приехала группа синеастов, которые хотели снять его комнату...

В.Д.: Кого?

А.С.: Синеастов — киношников*.

* От фр. *cinéaste* — кинематографист.

В.Д.: А! Я такого слова не слышал. Вот это первый раз, когда у вас специфический какой-то... европейское, заграничное, эмигрантское слово. Синеасты?

В.С. и А.С.: Да-да.

В.Д.: Ах, это французское, да?

А.С.: Французское, да. Приехали киношники и хотели снять его комнату, его игрушки и даже спросить его, не хочет ли он играть роль этого человека. Знаете, там это очень принято. Ну, конечно, это особенно взорвало и Серафиму Павловну, и Алексея Михайловича, и тут и началась эта ужасная трагедия.

Алексей Михайлович же вообще говорил, что он не может себе представить, что он с кем-нибудь на свете может разорвать или не подать руки. Часто мы говорили, вспоминали каких-нибудь людей, которые ужасно себя вели в какие-то исторические моменты или... в общем, он всегда говорил, что для него каждый человек, и его душа, и его страдания — самое важное: «А в конце концов, как он поступил и что — я не могу судить. И не могу себе представить, чтобы я когда-нибудь я кому-нибудь не подал руки». Поэтому тут он явно шел, конечно, против самого себя, ради Серафимы Павловны. Но надо сказать, что Серафима Павловна тоже была его большой помощницей. Она была очень ученой женщиной, она была ученицей Щеголева, очень хорошо знала старинные русские рукописи и читала курс лекций в Сорбонне, где у нее, правда, было мало учеников, потому что тогда еще русским очень мало интересовались, теперь это было бы иначе.

В.С.: В особенности древнерусским.

А.С.: И она читала курс о чтении древних русских рукописей. Поэтому вот Алексей Михайлович,

его почерк, когда он пишет вязью, или почерком...

В.С.: Протопопа Авваакума.

А.С.: ...времен... – это все было, действительно, научно и с помощью Серафимы Павловны у него выработано.

В.Д.: Ах, вот что!

А.С.: Да. Это было очень у него... и страшно правильно, и...

В.Д.: От него, так сказать, было мастерство художника, а от нее...

А.С.: А от нее знания.

В.Д.: Такая палеографическая наука.

А.С.: Да-да.

В.С.: Она преподавала палеографию в Сорбонне.

А.С.: Вот. Так что в этом смысле, конечно, Серафима Павловна очень много давала ему. Тоже есть и книжки его. Надо отличать его книги, собственные, и, скажем, «Оля» и «В поле блакитном», которые написаны по рассказам Серафимы Павловны. Рассказывала она очень хорошо, но как-то... я не знаю, как это даже сказать... где каждое слово казалось, что именно так надо сказать, а не иначе, хотя говорила она очень просто, но как бы языком сказок что ли, Библии, хотя на современный лад, то есть каждое слово с такой уверенностью она говорила, как будто его нельзя заменить, как будто именно вот это было... И так же она рассказывала о своем детстве. И все это Алексей Михайлович записал, но, конечно, это было сильно под ее влиянием.

В.С.: Не только «Оля» и «В поле блакитном», также «Россия в письменах» и другие книги, которые целиком посвящены прошлому России, документы разбирала и находила для него Серафима Павловна.

В.Д.: У вас есть Ремизов?

В.С.: Есть.

А.С.: Людей у них бывало очень много, были большие знаменитости, бывала и просто молодежь, и было много молодых людей, которых Серафима Павловна называла: «Алексей Михайлович, ваши дураки» И всегда говорила: «Алексей Михайлович, дураки вас погубят»

Алексей Ремизов. Кропот. 1949

В.Д.: «Вас»?

А.С.: Да. «Вас погубят». Потому что Алексей Михайлович...

В.С.: Они на «вы» были?

А.С.: Да, всегда. И Цветаева тоже со своим мужем. Такая была манера.

В.Д.: У Цветаевой это совсем странно. Это манера, так сказать, с одной стороны, южнорусская, а с другой стороны, купеческая.

В.С.: Но это не казалось искусственным. Почему-то мы к этому так привыкли, что мы не... не звучало это так...

В.Д.: У дворянства, по-моему, этого не было. Не представляю себе, чтобы Пушкин писал (даже в XIX веке) Натали — «вы».

А.С.: Причем Марина Ивановна говорила «вы — Сережа», а Алексей Михайлович и Серафима Павловна говорили по имени-отчеству друг другу.

В.Д. (удивленно): Да что вы говорите!

А.С.: Хотя в некоторых письмах и записях иногда вот это у них есть обращение, но никогда не при других

людях. При других людях они всегда так говорили.

В.Д.: «Вы, Серафима Павловна», «вы, Алексей Михайлович»?

А.С.: Да-да.

В.Д.: Значит, это как Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна?

А.С. (усмехаясь): Да.

В.Д.: В точности, да? А как ее сокращенно звали?

А.С.: Ее Сима звали, Сима — Серафима.

В.Д.: Ну, кто-нибудь ее звал так?

А.С.: Да, да.

В.Д.: Ну, сестры?

А.С.: Сестры, конечно, конечно.

В.Д.: А он ко всем обращался?..

А.С.: Да, он...

В.Д.: И «ваши дураки» — это его ученики?

В.С.: «Ваши дураки вас загубят».

А.С.: «Загубят», да. Потому что Алексей Михайлович любил всякие шутки.

” Он иногда какого-нибудь человека, который ничего не умел писать, вообще ни одного слова связать, он вдруг его производил в писатели и возился с ним, и как будто и подшучивал над ним, и смеялся...

И Серафима Павловна ужасно сердилась вот за такие его выдумки. Он производил кого-нибудь в писатели. Вот был какой-то знаменитый африканский доктор, про которого он всегда говорил. И Серафима Павловна ужасно на него за это сердилась.

В.С.: Кстати сказать, этот африканский доктор сыграл такую роль в Конго, что когда наш журналист «Известий» Хохлов был арестован и посажен в тюрьму, то все конголезцы рассказывали ему о великом русском человеке, которого они знали до знакомства с ним и звали его Унковский. Он был почти что королем Конго одно время.

В.Д.: Он что, просто врач был?

А.С.: Врач. Но так много сделал для населения, что его очень полюбили.

В.Д.: Ах, ну да, в Конго раньше же...

В.С.: Потом он вернулся в Париж...

В.Д.: А, ну да, ведь в Конго... Подождите, в Конго или в Абиссинии русская миссия-то врачебная была? Кажется, в Абиссинии.

А.С.: В Абиссинии, Эфиопии.

В.Д.: Да-да, в Эфиопии.

А.С.: Там тоже было колоссальное влияние русских.

В.Д.: Врачей.

А.С.: Врачей, да. Потому что русские врачи ведь себя держали по-человечески с туземцами, а французы у себя в стране они относятся к черным совершенно как к равным, но на местах нужно всегда показать, что вот мы белые, мы колонисты и чтоб те помнили... И сердились очень на русских. У русских было очень много неприятностей из-за того, что они слишком относились хорошо к местному населению, как к равным, в общем.

В.Д.: Это самостоятельная, очень интересная тема.

(Перерыв в записи.)

О посетителях квартиры Ремизова и его популярности на Западе

В.Д.: Продолжайте, пожалуйста.

А.С.: Да. В квартире Алексея Михайловича перебивало невероятное количество людей. Были там и вот эти дураки, как Серафима Павловна называла, и знакомые...

В.Д.: Дураки — это литературная молодежь?

А.С.: Литературная молодежь, да-да-да. ...и самые разнообразные люди...

В.С.: От Шаляпина, Рахманинова до Стравинского, Пикассо и Андре Жида. В общем, все, что было самого крупного во Франции, посещали его квартиру.

А.С.: Особенно в последние годы, после войны, он очень был популярен, конечно, не для общей массы французов, но для каких-то кругов... Вот Поллен (?) и другие французские писатели необычайно его ценили. Его очень много переводили, в частности, я и мои сестры.

В.С.: Бунина гораздо меньше переводили.

В.Д.: Бунина меньше?

В.С.: Гораздо меньше!

А.С.: Бунин совсем не нравился.

В.С.: Не котировался.

А.С.: Бунин был все-таки человек XIX века. А Алексей Михайлович, несмотря на свою любовь к старине, Аввакум и все это, но он был человек с ощущениями XX века.

В.С.: Если не XXI-го.

А.С. (усмехается): Да, если не XXI-го. И французы это очень ценили, потому что человек, который был модернист не по каким-то стилистическим желанием, а просто по всему своему восприятию мира, совершенно особенному и как раз то, что во Франции так сейчас любят. У него меньше было общих мыслей, даже войну, скажем, он описывает... какие-то мелочи быта, пустяки, потому что каких-то громких слов... он очень мало говорил об этом. Но это как раз очень хорошо подошло к французской, теперешней... французы, которые... после таких ораторских, шумных и громких слов прошлого века сейчас совсем другое у них. И поэтому Алексея Михайловича очень любили. Его часто приглашали... там были знаменитые такие гарден-парти, куда приглашались раз в год все писатели. И он, несмотря на свой страх, отправлялся, всегда с кем-нибудь, иногда моя сестра с ним бывала, чтобы его охранять, потому что он очень плохо даже видел и не знал вообще куда приткнуться. Ну, и он был один из немногих, которых приглашали, потому что вообще французы очень замкнуто живут, они себя называют «les chinois»

de l'Europe» — «китайцы Европы», так как они за какой-то стеной, которая после войны только начала немножко распадаться.

В.С.: И тут нужно добавить такую вещь: если в Италии, в Англии или во Франции создавался какой-нибудь журнал международного класса, где они пытались печатать на языках оригинальных каждого крупного писателя всего мира, то обязательно в этом сборнике, выходявшем, скажем, небольшим тиражом, в роскошном издании, всегда был Ремизов. Из русских писателей всегда только Ремизов.

В.Д.: Поэтому за границей он не нуждался?

А.С.: Он нуждался все-таки, он нуждался. Это последнее время. Не забудьте, что это последние только годы, а перед тем...

В.Д.: До войны он нуждался?

А.С.: До войны, да, очень нуждался.

В.С.: Очень нуждался. Вот мы все время говорим о его материальной судьбе, как он все это переживал.

А.С.: Но им, правда, очень помогали многие люди. Но когда наступал день *terme*, это в Париже — это ужасная вещь: там квартплата вносится каждые три месяца. И так как платится очень много: все-таки раз в месяц — это можно, а когда за три месяца скапливается «терм», нужно платить весь этот «терм», то почти ни у кого из эмигрантов не было достаточно денег, и все бегали друг к другу и занимали, искали. Алексей Михайлович или Серафима Павловна часто обращались или в редакцию, или кто-нибудь им помогал, потому что это была трагедия. Причем неплатеж — это значит вас выселят и так далее.

В.Д.: Просто выселяли?

В.С.: Просто выселяли.

А.С.: Да-да-да-да.

В.Д.: Вот этого у нас не было. В самые е трудные времена у нас...

В.С.: Потом квартплата была очень завышенная. У нас сравнительно с этим пустяки, в Москве.

А.С.: Часто газ, конечно, электричество закрывали тоже, если вы не заплатите. Так что у них очень было это трудно. Все-таки каждое лето они пытались, особенно Серафима Павловна, куда-нибудь выехать. И это тоже было страшное мучение, потому что денег не хватало. Но ей нужно было куда-то поехать. Хотя Алексей Михайлович вообще любил сидеть в четырех стенах. Он не любил ни простора, ни долин, или какие-нибудь горы или лес или вообще чтобы что-то его закрывало.

В.С.: Ограничивало.

А.С.: Ограничивало.

В.Д.: Он не любил путешествовать?

А.С.: Нет-нет. Он не любил.

В.С.: Нет-нет. Это есть такая болезнь пространства, то есть, например, я знаю одного знаменитого Гельбранта (?), лектора в Берлинском университете, который не мог читать в большом зале. Приходилось лекции делить на кусочки и в маленьких комнатах читать. Вот это болезнь пространства. Так вот у Алексея Михайловича обратное: болезнь... он требовал, чтобы, были четыре стены.

В.Д.: То есть та же самая.

А.С.: То же самое.

В.С.: Да, то же самое.

В.Д. (*обращается к Ариадне Викторовне*): Простите, вы еще упомянули вашу сестру, что она переводила...

А.С.: Да.

В.Д.: Это вот жена Вадима Леонидовича?

А.С.: Нет, Резникова. Ну, мы все трое переводили. Я переводила «Грудцын», а моя сестра...

В.Д.: Грузин?

А.С.: «Грудцын», «Савва Грудцын», знаменитое...

В.С.: XVII век. (*Поправляется*) XVI век...

А.С.: XVI века, да, русский... А сестра переводила его «Подстриженными глазами».

В.С.: Лучшая его книга.

В.Д.: Это его книга, да?

А.С.: Лучшая его книга, да. Там про его детство очень много. Она переводила это.

В.Д.: Как ваших сестер звали? Значит, Андреева — это?..

А.С.: Ольга. И ее сестра-близнец — Наталья Викторовна Резникова.

В.С.: Которая является душеприказчицей сегодня литературного наследия Алексея Ремизова, вместе с Натальей Владимировной Кодрянской.

В.Д.: Наталья Викторовна Резникова — это, значит, ваша родная сестра. А Наталья Владимировна Кодрянская кто такая?

В.С.: Она просто... познакомилась уже совсем в такое время... 40-й год, правда?

А.С.: Да.

В.С.: И очень помогала Алексею Михайловичу. Чем? Платила его терм.

А.С.: Да. А он ей помогал ее книжку... Она выпустила несколько книг. Причем она была очень неопытный литератор. А он из нее сделал...

В.С.: Опытного литератора — переписывал ее.

А.С.: Помогал. И она много очень для него сделала. И вот часть рукописей, которые были у нее, она привезла уже в Советский Союз. А сестра моя еще должна, и все ждет и ждет, и мы всё требуем от нее, чтобы она передала этот архив.

В.Д.: Куда?

В.С.: В Советский Союз.

А.С.: В ЦГАЛИ или Пушкинский Дом.

В.С.: Она до сих пор этого не сделала.

В.Д.: Не сделала?

В.С.: Нет*.

* Архив А.М. Ремизова был приобретен у наследников Н.В. Резниковой в 2013 г. См.: <https://lenta.ru/news/2013/04/10/remizov>.

В.Д.: А он как к этому относился?

В.С.: Хотел, чтобы все это было в Советском Союзе.

А.С.: Вообще он к Советскому Союзу... Считал, что культура только здесь. Когда наш сын поступил, еще до того, как мы приехали в Советский Союз, когда наш сын поступил в Московский университет, для него это был праздник. Он вообще относился к нему почти как к своему внуку. И вот, что Алеша поступил...

В.Д.: Старший?

В.С.: Старший.

А.С.: Да. ...в Московский университет, это было для него просто необычайное событие.

В.Д.: А как же он поступил, когда вы еще не приехали?

А.С.: Мы приезжали каждые два года сюда.

В.Д.: Начиная с 55-го года?

А.С.: С 55-го, да. И Алеша кончил там университет и захотел остаться здесь.

В.С.: В Нью-Йорке кончил университет.

А.С.: Он остался сначала в Москве без нас, жил в общежитии, а потом уже приехали мы. Мы уже знали, что мы приедем, но, в общем, пока у нас не было квартиры и все такое, он поступил и был в университете.

В.Д.: И кто же он по специальности?

А.С.: Он математик.

В.Д.: Математик. Это у него девочка еще и мальчик?

А.С.: Да, да-да. *(Продолжает говорить о Ремизове)* И он вообще очень любил молодежь и всегда любил смотреть вперед, несмотря на то, что он и старину любил, но всегда вот... смотреть вперед. Он... его была знаменитая... «Обезьянья палатка», которая началась с шутки, но он придавал этому очень большое значение. И там были все такие люди, как Блок...

«Обезьянья палатка»

В.Д.: Вот расскажите об «Обезьяньей палате» связно, все, что вы знаете, потому что я знаю клочки.

А.С.: Клочки, да. Началось это сначала просто с шутки. Он выдавал как бы орден тем людям, которые бескорыстно что-то любят. Это было первое, начало.

В.Д.: Это еще в Москве?

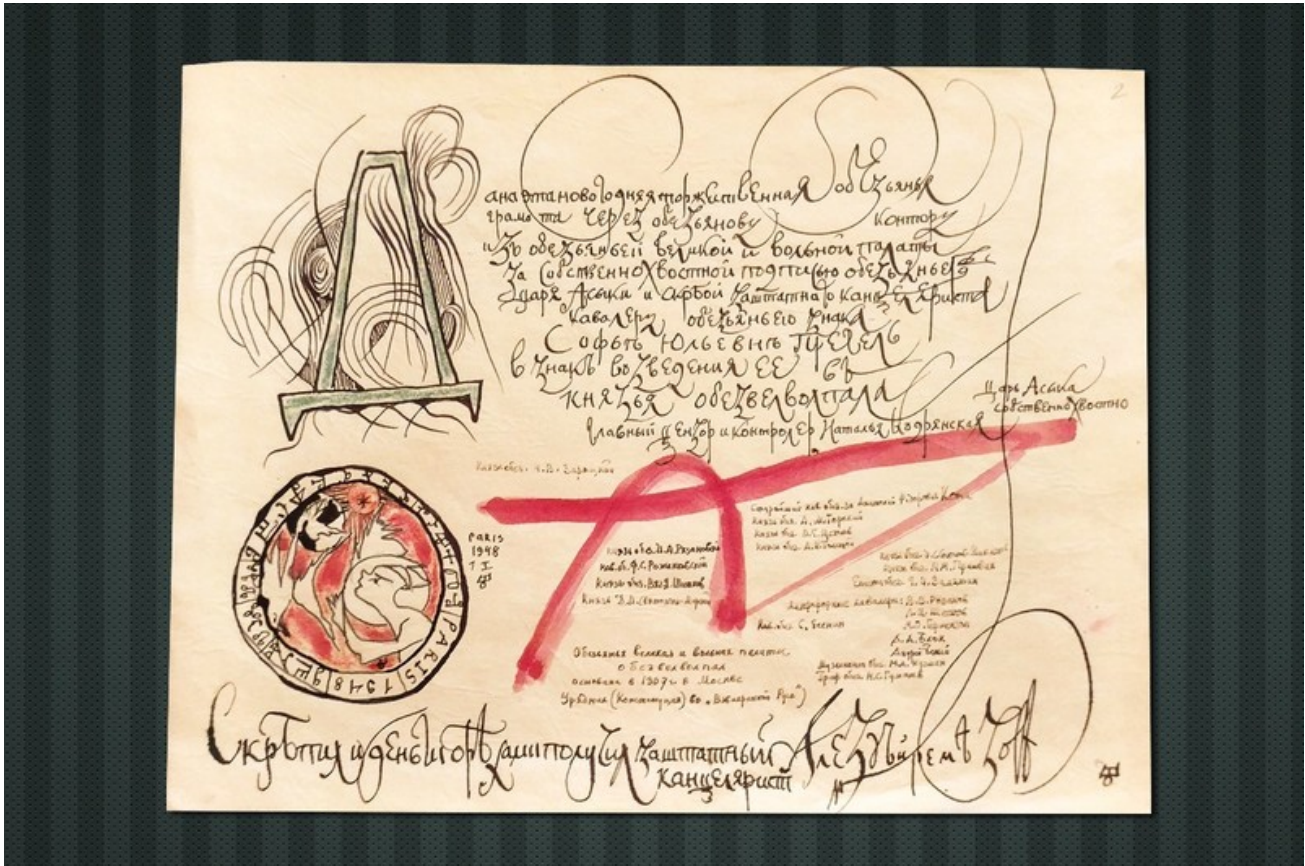
В.С.: Нет.

А.С.: Это еще в Петербурге.

В.Д.: В Петербурге?

В.С.: В Петербурге, в Москве.

А.С.: Да. И вот... Так, например, мой дядя был... Владимир Михайлович был за свою страсть: он гербарии делал, причем абсолютно ни для чего-то, а просто собирал из любви к делу, не как научный... или для чего-то. А вот такая страсть была. И это началось с этого. А потом просто все его знакомые получали разные титулы. Были сначала просто служкой, а скажем, Блок был князем обезьяньим и так далее. И вот он выдавал всем дипломы, очень красивые, всегда с рисуночками. И там подписывались все, кто в этот день бывал у него в квартире.

Алексей Ремизов. Шуточная грамота Обезьяньей великой и вольной палаты, выданная Софье Юльевне Прегель. Париж, 1947 и 1948. Автограф. ОР РГБ, Ф. 218 (Собрание отдела рукописей), к. 1295, ед. хр. 1. <http://www.rsl.ru/ru/s7/s381/2017/remisov>

В.С.: При чем глава был Асыка.

А.С.: Да, это был царь обезьяний.

В.С.: И он подписывался собственноручно, потому что он был обезьян.

А.С.: Но считалось, что, в общем, человеческое общество несовершенно и ужасно, и, в общем, нужно сделать новое общество, как бы обезьян, у которых нету мещанства, нету каких-то таких...

В.С.: Корусти, главное — корусти.

А.С.: Корусти, да-да. Вот таких вещей. И вот, значит, все были. Потом были разные. Скажем, Зайцев, который очень набожный, вообще такой елейный, он был как бы епископом или какой-то священнический сан имел. Володя, когда он пошел...

В.С.: Это я.

А.С.: Да. ...когда он пошел волонтером на войну, во Франции, во французскую армию, он стал маршалом...

В.Д.: «Обезьяньей палаты».

А.С.: «Обезьяньей палаты». И моя мама была, скажем, полпредом баскским, потому что мы жили... знаете, баски...

В.С.: В Стране басков. Он писал рассказы о басках.

А.С.: И вот так каждому давалось что-то. А князей обезьяньих не было. Был только Блок, вот... того

времени... Щеголев...

В.С.: Ну, Максим Горький.

В.Д.: Максим Горький тоже был в «Обезьяньей палате»?

В.С.: И очень относился к этому серьезно, и ему... Он говорил: «Мне, в сущности босяку, страшно приятно стать князем». Он всегда утверждал, что очень... просто гордится этим, принадлежности к этому ордену.

А.С.: А потом уже, с тех пор, не было уже князей. И в самые последние годы он нашим детям, не нам, но нашим детям дал ордена князей. Алеша и Саша Андреев — они стали князьями, потому что ему хотелось, понимаете, чтоб это не кончилось.

В.Д.: И Сережа?

В.С.: Сережа в ратном деле должен себя проявить. Но пока еще неизвестно.

А.С.: Понимаете, он хотел, чтобы это не было какой-то старой историей, а чтоб это продолжалось. Ему как-то хотелось, понимаете, чтобы не закончилось.

В.С.: Причем здесь, Виктор Дмитриевич, в этом самом ордене дозволялись и мистификации. Например, если гостей в тот день было мало, и сама эта грамота выглядела не достаточно торжественной, то он подписывался за тех, которые дома сидели в этот день. Скажем, Святополка-Мирского он всюду ставил, Балтрушайтиса, такой поэт был, помните?..

В.Д.: Знаю.

В.С.: ...и посол...

В.Д.: СССР в Литве. *(Поправляется)* Литвы в СССР!

В.С.: Да. Он фигурировал почти всюду, хотя давно его уже не было. Часто появлялся, если не сам (Борис Пастернак не был в Париже) ну, тогда его отец.

В.Д.: Он еще был жив тогда?

В.С.: Жив, да. Иногда появлялась и подпись Шалапина, очень ловко подделанная. *(Усмехается.)* Теперь разобраться во всем этом трудно.

В.Д.: Кто оригинал, а кто подделка?

В.С.: А кто подделка, да.

В.Д.: А Асыка — это его собственный титул?

В.С.: Это обезьяний князь.

А.С.: Его нету.

В.С.: Им изобретенный. И есть книга — «Сказки царя Асыки».

А.С.: А сам он был только канцеляриус.

В.С.: А он был только канцеляриус. Он вел только дела этой палаты. Сам царь Асыка был. Он изображен Анненковым и другими художниками, которые издавали эти его книги. Асыка имеет свой образ.

В.Д.: Ах, так! Зрительный?

В.С.: Да.

В.Д.: И что же это за образ? Обезьяний?

В.С.: Да. Лицо обезьянье и очень такое... немножко шутовское, немножко под старинного шута. Но во

всяком случае, так сказать, это человек, очень знаменитый в этом ордене, поскольку он был главой.

В.Д.: Значит, он существовал в двух видах, сам Ремизов: с одной стороны, он должен был двигать пальцами как руководитель марионетки созданного им Асыки, ведь он тоже, вероятно, совершал какие-нибудь поступки, надо полагать, и в то же время он был канцеляриусом, уже собственной персоной. Занятно.

О первой встрече с Ремизовым. Литературное влияние Ремизова

Образ вы дали очень выпуклый, но вот хотелось бы, так сказать, во времени расположить его. Вы его здесь до отъезда не знали, конечно?

А.С.: Вот я была раз в Петербурге у него, девочкой. Меня мама... Мама его знала.

В.Д.: В 17-м году?

А.С.: Да. *(Поправляется.)* В 18-м, я думаю, году, зима... или зима 17-го, или зима 18-го.

В.Д.: Вот постарайтесь вспомнить ваш приход туда как не Ариадна Викторовна, а как Адя, так сказать, приняла эта вот девочка.

А.С.: Это была... это была так называемая серебряная комната: она была вся украшена серебряными бумажками...

В.Д.: А вот что на стенах?..

А.С.: И на стенах висели... Игрушки, собственно, не на стенах, а были протянуты нитки от стены к стене, и там висели всевозможные... скажем, шишка какая-нибудь, откуда-нибудь присланная...

В.С.: <нрзб> засохшая.

А.С.: ...засохшая, потом какая-нибудь косточка — считалось, что это Бабы Яги какая-то косточка, или это какой-то подарочек. А уже в последний год, когда я в 55-м приехала, я привезла белый московский калач. Он калачик повесил на нитку. Ну, вот так это... в последние годы он опять это восстановил. Самые разнообразные. Или игрушки присланные, или какие-нибудь сувениры, которые ему привезли или дарили — все это было на стенах. Он уже тогда мне, конечно... он тогда был молод совсем, но я была ребенком, поэтому он мне казался уже, конечно, немолодым.

Алексей Ремизов за рабочим столом. 1911. Фото: К. Булла. wikipedia.org

В.Д.: Ну, ему... Он какого года рождения?

В.С.: 1877.

В.Д.: Ах так! Все-таки 77! Какой же «молод»? Ему пятьдесят лет, в общем. Значит... какой... в 17-м году ему исполнилось пятьдесят лет. А не 87?

А.С.: 87, конечно.

В.Д.: 87. Нет, не может быть, нет-нет-нет, не может быть, вы ошибаетесь. Что вы, 77 — это Брюсов, 73-й. Что же, он старше Блока, выходит?

А.С.: 87.

В.Д.: 87. Значит, ему было лет сорок*.

* Ремизов родился в 1877 г., и в 1917 ему действительно было сорок лет.

А.С.: Встретил он так же, как и встречал в Париже, потом, когда я его видела. И так же сияла Серафима Павловна. Она всегда сияющая была.

В.С.: Она была нарядная...

А.С.: Ах, вот еще я хотела рассказать, что их самый любимый день в году — это был Пасха. Это тоже

исходило из Серафимы Павловны. Она страстно, с детства, любила Пасху, и всегда у них перед этим было страшное волнение, потому что надо было, по привычке Серафимы Павловны, огромные заготовить куличи, бесконечные пасхи, все это нужно было тереть и делать так, как делалось в ее время в ее имении. И все мы приходили помогать. И Алексей Михайлович ужасно волновался, что Серафима Павловна устанет и что мы не успеем все это сделать. Всегда говорил: «Ешьте, ешьте, ешьте, ешьте», — чтобы скорее поменьше всего оставалось и чтобы можно было вовремя все это сделать. Потому что каждое волнение у нее вызывало иногда и припадки, и болезнь. Она печенью болела, и вообще она ужасно уставала. Но на Пасху она сидела всегда сияя, вся как солнце, и надевала именно в эти дни пасхальную цепочку с небольшими яичками. Знаете, в старину были такие яички пасхальные.

В.Д.: Серебряные, да?

В.С.: И золотые, всё, что хотите.

А.С.: И зеленые. И там было зеленое яичко...

В.С.: Камни, изумруды...

А.С.: Да.

” И там было зеленое яичко от Блока, подарок Блока, потом от Мейерхольда, от многих-многих других.

В.С.: Это была история русского искусства.

А.С.: Все ей дарили.

В.С.: И все это висело у нее на груди.

А.С.: А когда она умерла, Алексей Михайлович роздал. Вот у меня сейчас есть три из этих яичек...

В.Д.: Что вы говорите!

А.С.: ...но не самые интересные.

В.Д. (рассматривает): Тоже интересные сувениры.

А.С.: Да-да. И в Пасху она всех принимала, страшно радуясь. И только помню одну мрачную Пасху, когда она в церковь позвала с собой американку, которая всем интересовалась, волновалась, смотрела и чем-то нарушила Серафимы Павловны такое...

В.С.: Благолепие.

А.С.: ...благолепие. И она тогда тоже призвала всех и говорила... так брала за руку, она так крепко сжимала и говорила: «Аука!» — они меня называли «Аука»...

В.Д.: Вас?

А.С.: Да.

В.Д.: Интересно!

А.С.: «Аука! Правда, я хуже Пильняка?». Почему это было, я не знаю. Как-то их Пильняк обидел чем-то.

И когда она была ужасно собой недовольна, она говорила: «Я хуже Пильняка! Я в такую святую ночь позвала к себе американку, которая просто с любопытством туристки, а не настоящим душевным настроением, была с нами в церкви».

В.С.: Кстати, раз мы заговорили о Пильняке... Очень мало известно, немногие знают в Советском Союзе, каково влияние было на русскую литературу Алексея Михайловича.

В.Д.: Сейчас пишут.

В.С.: Несколько слов мне хотелось бы сказать именно по этой линии, потому что это очень любопытная страница. Если помните, еще когда Максим Горький интересовался Ремизовым... он его не любил, также как и Бунин, но он его очень высоко ставил. И кстати сказать, если из молодых писателей начала революции, если мы возьмем всех «серапионовых братьев», если мы возьмем Пильняка, возьмем более старшего писателя, как Пришвин, Евгений Замятин — все они не отрицали того, что они находились под влиянием Ремизова. Вот это влияние как-то совершенно сейчас... я как-то недавно беседовал с Леоновым, он говорил: «Да, может быть, первые, самые ранние мои рассказы находились под влиянием Ремизова, но я давно оторвался, так сказать, от этого дурного влияния». Потому что так было положено говорить.

В.Д.: Вы совершили, по-моему, вопиющую бестактность.

В.С.: По отношению к Леонову?

В.Д.: К Леонову. Вы наступили на мозоль. Должен вам признаться, могу даже «векам, истории и мирозданию» сказать, я иногда даже, хотя мало знаю Ремизова, но я все-таки читал его рассказы, и вот ощущения его, так сказать, стилистической ткани, у меня вполне отчетливые. И я, когда говорил о Леонове... то есть я вообще советскую литературу редко читал и читал только до 17-го года, но одно время... со студентами когда говорили, что, вот, «новаторство Леонова»... Я говорил: «Да, по-моему, никакого новаторства нет. Леонов, по-моему, через Пильняка и Ремизова...» Пильняк — Ремизов и Белый — вот его...

В.С.: А Достоевского вы забыли.

В.Д.: Ну, Достоевский — это такое широкое влияние, что многие... Но тут непосредственно: вот это его в «Русском лесе» юродствующая интонация...

В.С.: Да, да-да-да.

В.Д.: ...причем она у него очень... У Ремизова это было очень органично, у Леонова — она очень фальшива. Так что вы ему, напомнив о Ремизове, сказали: «А-а-а, голубчик! Ты спер!»

В.С.: Правда, это было не в Москве, а в Нью-Йорке и в обществе американском, где американцы говорили все по-русски, поэтому он так очень не хотел себя показать...

В.Д.: Да-а-а. Ну, вы тем более... Вы прямо выступили как *enfant terrible!*

О публикациях и мистификациях Ремизова

В.С.: Ну, вот, нужно еще несколько сказать, прибавить несколько интересных деталей жизни Алексея Михайловича. Алексей Михайлович всегда жаловался на то, что его не печатают и не издают.

В.Д.: У нас в России?

В.С.: В России в эмигрантский период.

В.Д.: В эмигрантский период? Печатали его.

В.С.: Совершенно верно. В конце концов выясняются подробности потрясающие: по количеству книг, изданных, скажем, в берлинский период, когда возникали издательства и лопались, 21-й, 22-й, 23-й, 24-й годы, было издано девятнадцать книг Алексея Ремизова. На втором месте за ним идет Андрей Белый — шестнадцать книг, потом — Эренбург...

В.Д.: Это очень интересно. Потом Эренбург?

В.С.: Да. И вот заметьте, и все-таки он считает, что его не печатают. Около ста книг издано Ремизовым, а всегда...

В.Д.: Я видел, дай Бог, пять.

В.С.: ...а всегда он говорил, что, вот, не хотят, не печатают и рассказывал о своих бедах. А беды у него происходили вот каким образом. Когда у него появлялась хорошая страница в его работе, он знал, что это хорошо, скажем, «Подстриженными глазами», великолепные страницы он посылал Милюкову. И, конечно, два подвала «Последних новостей» в воскресенье или в четверг печатались. И читатели были довольны, и вообще все было хорошо.

Когда ему бывало иногда скучно или он просто переписывал русскую сказку на свой лад... а уж если он написал, то обязательно хотелось, чтобы она была напечатана. И тогда появлялось бесчисленное количество различных журналов, газет: в Харбине, в Соединенных штатах Америки, в Нью-Йорке, в Чикаго, в Сан-Франциско, в Риге (в Риге в особенности, Рига был крупный культурный центр), он посылал все эти вещи, которые имели значение, может, в книге, если, скажем... «Посолонь» издать книгой — это звучит так. А если одну маленькую сказочку — уж не было так интересно — он посылал именно туда, поскольку Милюков забраковал. Вот это любопытная черта: у него была целая такая классификация, все эти издания были по рангам: что уже неинтересное — то туда в самый... в самый Харбин. И причем больше всего он любил... В центральных органах это не получалось: в «Последних новостях», в «Современных записках», в «Воле России» уже настороженный редактор это не печатал, получив это от Алексея Михайловича Ремизова.

Он страшно любил мистифицировать и сообщать ложные сведения о писателях. У него была такая хроника. Ну, скажем: «Бунин уехал в Сан-Франциско и там написал новый вариант своего „Господина...“» Ну, всё, что ни придет в голову о том или другом писателе. Причем иногда даже очень обидное. Он считал, что никто не может на него обижаться. На самом деле, люди обижались.

А.С.: Или так, например. Была фотография, когда-то снятая, по-моему, у Маковской Ляли, где несколько женщин в бальных платьях и молодые люди, в общем совершенно неизвестные...

В.С.: Все под мухой, между прочим, все.

А.С.: Нет-нет, но это очень хорошая фотография. Он послал ее и написал: «Марина Цветаева в кругу друзей». И там Марины Ивановны не было совсем...

В.С.: Там и Бальмонт, и Бунин, и все... Мережковский... он всех изобразил...

В.Д.: Назвал?

А.С.: Назвал.

В.Д.: А не изобразил.

В.С.: Они напечатали, они не в курсе дела в Риге. Все это напечатали, и имена напечатали все. И потом, когда этот журнал пришел в Париж, все были в ужасе: что натворил! Кто же натворил такую вещь? А потом выяснилось, что Алексей Михайлович Ремизов натворил.

В.Д.: Это называется «литературное хулиганство».

В.С.: Да, это то, что называется «литературное хулиганство». Вот мы в подражание ему тоже такими вещами занимались. Получим какую-нибудь смешную газетку из Чикаго, малограмотную, с малограмотными стихами, мы вступаем в переписку с поэтессой, которая эти стихи написала, посылаем ей на просмотр стихи Пушкина, Иннокентия Анненского с просьбой напечатать в журнале их, что, мол, «я тоже поэт, я тоже хорошо пишу». Она отвечает, что «стихи, действительно, у вас неплохие, может быть, удастся их напечатать». Это принадлежало Александру Сергеевичу Пушкину. Это хулиганство.

В.Д.: Да. В данном случае полезное. Оно обнаруживало, так сказать, невежество человека, который был в силах что-то печатать — печатное слово, так сказать, буржуазного общества.

В.С.: Она написала нам на эти три стихотворения, помню, одно Пушкина, Иннокентия Анненского и Тютчева, что в нас находится искра. Значит, эту искру надо поддерживать. Ну, в общем, Алексей Михайлович вот каким путем пришел к этому. Если вы помните, например, «Кукха», книга знаменитая о Розанове, она составлена на каком материале?

В.Д.: Это книга Ремизова?

В.С.: Да. «Кукха» — это одно из слов царя Асыки. Что оно значит? Ничего не значит. Это тайна для всех, что значит «кукха». Это не имеет значения. Это... подзаголовком он поясняет: «Письма Розанова». Алексей Михайлович получал очень интересные, великолепные письма Василия Васильевича, такого типа, как его «Опавшие листья», великолепные вещи, очень философские. И он на основании этих писем рассказывает жизнь и дружбу свою с Розановым.

В.Д.: А они были близки, да?

В.С.: Да. И там часто появляются знакомые люди. Всегда этих людей он выводил под их настоящей фамилией. Так он, один из первых писателей, ввел в художественную литературу существующих, настоящих, известных или малоизвестных людей.

А.С.: Своих знакомых.

В.С.: Своих знакомых. Там появился и Горький, и Бунин, и Сологуб, и Брюсов, и Бальмонт — вообще, вся литература прошла в книгах Ремизова.

А.С.: И просто знакомые.

В.С.: И просто знакомые. Например, Бунин мог появляться рядом с Бахраком или с очень незаметной личностью. Он очень любил парами их выводить, как Бобчинского и Добчинского. Он любил живо их представлять, но обязательно с некоторой такой иронией и маленькой насмешкой, что обижало многих и, конечно, создавало ему врагов. Поэтому, например, история с Кесселем... нам не понятен тот ужас, который охватил Серафиму Павловну. Алексей Михайлович всегда занимался этим, всю свою жизнь. А Жозеф Кессель один раз только об Алексее Михайловиче написал — и вот такая буря получилась.

Ремизов после Революции

Хочу вам сказать такую вещь, что, если вы помните воспоминания Федина...

В.Д.: Помню.

В.С.: ...он рассказывает очень любопытную сценку, которая произошла у него на квартире в Петрограде. Обыск производили в его квартире. А он говорит: «Я писатель». Тогда вспомнил матрос, у него был телефон, он знал, он бывал и знает Алексея Максимовича Горького, он звонит Горькому, матрос, который производит обыск, что, вот, значит, «мы обыскиваем такую квартиру, а там такой писатель. А он сидит и вырезает ножницами чертиков. Можно ли сейчас, после Октябрьской революции, вырезать

ножницами чертиков? Ведь это мы все к черту выбросили». Ну, и в общем, Алексей Максимович говорит ему: «Да-да, это писатель и большой писатель». «Да неужто? — говорит. — А мы думали, что он брешет». В общем такой разговор идет об этом. Это как раз типичная... типичная, так сказать, история для Алексея Михайловича, то есть для его облика.

В.Д.: Горький заступился?

В.С.: Горький не только заступился. Он сказал: «Немедленно же, немедленно уходите из этой квартиры и не смейте его трогать. Это большой писатель» — «Ну, а как же так? А может, вы не Горький?» — говорит матрос. «А вы меня слушали? А что вы хотите, чтобы я доказал, что я Горький? Если бы я был Шалапин, — говорит Горький — я бы вам пропел что-нибудь». — «А, — говорит, — теперь вспоминаю, вы на „о“ хорошо говорите». Ну, в общем, в таком духе, этот матрос поверил и значит... «Можно ли вам еще звонить в случае, если мы опять нападём в наших обысках на писателя?» Ну, это просто такая типичная картинка из этого, которая показывает, так сказать, его облик.

В.Д.: Простите, я вас остановлю. Очень рад этой записи еще и потому, что... конечно, вполне достоверна... она у меня почти в точности также уже записана со слов, если не ошибаюсь, если мне память не изменяет... да, только он и мог это рассказать — Шкловского. Шкловский мне этот эпизод рассказывал. Значит, он верный. А вы с чьих слов? Со слов Ремизова?

В.С.: Федина.

В.Д.: Федина?

В.С.: Алексей Михайлович никогда этого не вспоминал.

В.Д.: Простите, а это что, у Федина в?..

В.С.: В книге «Горький среди нас».

В.Д.: А, я, может, это оттуда?..

В.С.: Которая переиздана в 67-м году или в 68-м.

В.Д.: Ариадна Викторовна, ну, так вот продолжим о Ремизове немножко еще, даже и не немножко. Очень интересно. Ну, в целом, так: вы дали очень выпуклый и его человеческий образ. О Ремизове у нас известно очень мало и вообще, и мне в частности. И так как я и из того, что я читал и того немножко его самого, и то, что о нем, у меня есть полная убежденность, что это, конечно, очень крупный писатель. Хотелось бы о нем зафиксировать побольше, раз вы его лично знали. Я хотел бы, чтобы вы, по возможности, и так, может, даже уже хронологически, вспоминая встречи, дали конкретные эпизоды, порядок, конечно, безразличен. Ну, в частности меня интересует, как его занесло за границу, такого домоседа, как он из этой самой комнаты, в которой его обыскивали эти... матросики и где висели ниточки поперек комнаты с чертиками, как он вообще снялся? Или это его Серафима Павловна перевезла?

А.С.: Это скорее Серафимы Павловны было желание, потому что сам бы он не поехал. Конечно, если бы он остался, он мог бы просто погибнуть от одной неурядицы, от неумения жить.

В.Д.: Он голодал, неверное?

А.С.: Конечно, конечно, тогда многие... но как-то он очень был неустроен. И, вероятно, это Серафима Павловна... я не знаю точно, были ли это хлопоты Горького или это тогда все выезжали.

В.Д.: Когда он уехал-то?

А.В.: Он уехал... вот как раз перед смертью Блока это было.

В.Д.: Ах, так поздно!

А.С.: Да, да, да, да.

В.Д.: Значит, он уехал только в 21-м году?

А.С.: Поздно, да.

В.Д.: Значит, он уехал только в 21-м году!

А.С.: Да-да.

В.Д.: 19-й — 20-й год, собственно, самое голодное время пережил уже.

В.С.: Да, но у него есть такое выражение в «Огненной России», посвященной Октябрьской революции, в начале, такая фраза: «Когда переступал порог Александр Блок из одного мира в другой, я переходил границу России в другой мир».

В.Д.: Да? А это где?

В.С.: «Огненная Россия».

В.Д.: Это что?

В.С.: Это посвящено Достоевскому...

В.Д.: Это что, публицистика, критика?

В.С.: Я назвал бы это такой новой формой художественного изложения событий, происходивших и в литературе, и в самой жизни. Я считаю, собственно, это тоже Ремизова характеризует как крупного писателя по «Взвихренной Руси». Очень правильно тогда говорили в 20-х годах, что Октябрьская революция отражена в двух произведениях: в поэзии — «Двенадцать» Блока, а в прозе — «Взвихренная Русь» Алексея Ремизова.

В.Д.: Ну, это, конечно, один аспект показа революции, не все, но, всяком случае... я этой вещи не читал. Она у нас, я не помню, издавалась или нет? Видите ли, в начале 20-х годов я еще не был читателем, а позднее это стало малодоступным. Так вот, расскажите, пожалуйста, что...

Ремизов в эмиграции

А.С.: Сначала они жили в Берлине, тогда много издавалось, был там Гржебин, который очень многое издавал. Алексей Михайлович выпустил несколько книг, а потом, как большинство эмиграции, потянулся в Париж. Приезд их был довольно забавный, потому что Серафима Павловна очень боялась и числа тринадцать, и Алексей Михайлович купил билеты и случайно плацкарта была — номер тринадцать, и чтобы она не видела, он спрятал это поглубже, потому что для него, конечно, это было абсолютно безразлично. Она была очень расстроена в этот день. И кто-то у нее рассыпал... у них была с собой русская земля, как у многих эмигрантов, вы, наверное, слышали, с собой были коробочки с русской землей, которую вывезли. И вот кто-то рассыпал эту землю. Она очень расстроилась. Потом они... всегда для них переезд — это было мучение ужасное. Алексей Михайлович всегда за несколько часов приходил на вокзал, чтобы не опоздать. Даже в день и свадьбы, он рассказывал (они тогда были еще совсем молоды), что он ее чуть ли не за полтора часа привез на вокзал.

В.Д.: В церковь?

А.С.: Нет-нет, на вокзал.

В.Д.: Ах, в свадебное путешествие?

А.С.: Путешествие, да. И вот, когда они... Алексей Михайлович так все время прятал эти билеты, чтобы она не дай бог не увидела, что там тринадцатое купе, или, не знаю, плацкарт, или что, что они перепутали поезд, сели не в тот поезд и... словом, ужасно совершенно. Все-таки они добрались как-то до Парижа

и устроились там.

Там первое время совсем было голодно. Он очень мало печатался, переводили его мало. Но были в Италии, между прочим, его «Крестовые сестры» переведены, но вообще мало. Но уже ближе к войне его как-то оценили очень французы.

В.С.: Именно ближе к войне.

А.С.: К войне, да. Или после войны даже скорее. Ну, встречались они много с писателями, с Буниным, но дружбы у них никакой не было. Ну, Бунин вообще обо всех говорил плохо и он никак не понимал, почему Алексея Михайловича ценят. И, как многие люди, он считал, что Алексей Михайлович вообще кривляется, что...

В.С.: И коверкает русский язык.

А.С.: Язык, конечно, и кривляется. Все эти его... чертики, и всё... воспринимал кривлянием. Что же еще рассказать про Париж? Ему очень помогали там, помогали ему сестры... Рахманинова, да?

В.С.: Да.

А.С.: Издательство «Таир».

В.С.: Издательство «Таир» состоит из двух имен: «Татьяна» и «Ирина», дочери Рахманинова.

В.Д.: «Таир»?

В.С.: «Та-ир»

В.Д.: Татьяна и Ирина, да?

В.С.: Да.

А.С.: Они помогали. Потом издательства... например <нрзб>, в котором много книг было — это фактически... никакого такого издательства не было, а как в Париже большинство людей, просто издавали на свой счет или кто-нибудь давал деньги. А потом эти книжки продавались. Их печатали в каком-то невероятно малом количестве экземпляров, триста — четыреста пятьдесят книг, вообще что-то... конечно, в Советском Союзе просто неслыхано. И то даже они не сразу раскупались. Но Алексей Михайлович все время стремился к тому, чтобы книги его выходили. И всегда ему было страшно, что вообще затеряются, его вещи никто не узнает. И он всячески все делал для того, чтобы издавать.

В.С.: Причем нужно добавить то, что когда Алексей Михайлович умер и нужно было издать что-нибудь им написанное и еще неизданное, то ничего не оказалось. Вот вам результат того, что в течение всей своей долгой жизни, Алексей Михайлович жаловался, что не печатаются его вещи. Мы не нашли ни одного рассказа, ни одной статьи, ни одной книги, которая не была бы уже издана. Значит, фактически все его стенания, жалобы на издателей, на читателей ни на чем не основаны? Раз мы после его смерти не могли ни одной вещи найти неизданной.

А.С.: Но все это большие усилия были.

В.Д.: И потом если тиражи были триста — пятьсот экземпляров — то это почти что ничего.

В.С.: Для Советского Союза, конечно, эти все издания, скажем, около пятидесяти книг, которые были изданы за границей, — это будет необычайно огромным сокровищем, которое откроется разом перед читательским взором, поскольку вообще-то... ведь... естественно, что автор и писатель постепенно издает свои книги и постепенно читателя завоевывает. А тут будет разом будет открыто такое грандиозное литературное наследие. Я даже не знаю, как советский читатель привьется вот к такой громадине, которую выпустят на него (?).

О подготовке к публикации книги Ремизова в СССР

В.Д.: А вообще, вы не слышали, собираются?..

В.С.: Слышал я вот что: что... мы привезли сюда с Ариадной Викторовной однотомник, составленный Адой Викторовной и Натальей Викторовной. Этот однотомник около двух лет находился в руках Эренбурга. Когда я приехал в 57-м году, то Эренбург мне сказал, что ничего не выходит, что этот сборник сейчас находится у Лидина. Я заехал к Лидину и выяснилось, что пробить ни в каком издательстве его нельзя. Тогда я обратился к Твардовскому и к Суркову, поскольку таковы были обстоятельства. Полгода он находился у Суркова, год у Твардовского — и тоже из этого однотомника даже двух-трех страничек не было напечатано в «Новом мире». Тогда...

А.С.: Твардовский не любит Ремизова.

В.С.: Тогда появилась идея, что после того, когда Федин переиздал свою старую книгу, вышедшую во время войны...

В.Д.: «Горький среди нас».

В.С.: ...посвященную Горькому. Там есть две-три неплохие страницы о Ремизове... Обратились к нему, и он обещал содействовать в издании Ремизова. «Вопросы литературы» обратились к нам для того, чтобы мы дали ряд неизданных писем и кое-какие высказывания Алексея Михайловича в области литературы, литературоведения. Вот это сейчас, может быть, первое, что будет напечатано в «Вопросах литературы». Нужно сказать, что у меня было около ста писем, которые я передал, конечно, безвозмездно в ЦГАЛИ, и дома у меня остался маленький клочок, который случайно как-то оказался у меня в бумажках и остался в таком, к сожалению, разорванном виде.

В.Д.: Это вот вы держите записку Ремизова?

В.Д. Да. (*Читает.*) «Гонорар за книгу, не знаю, за какую книгу, — пишет он мне, — я получил, по нынешней расценке литературного труда, щедрый — сто долларов...» То есть на наши деньги это сто рублей новыми деньгами.

В.Д.: Ну, это по официальному курсу, да.

В.С.: Но он говорит так: «То есть на русские деньги — двести рублей»...

В.Д.: Я думаю, что так оно и есть.

В.С.: (*Продолжает читать*) «...А работал я четыре года. Много книг надо было прочитать А читать, не прерывая работу, в наших условиях жизни никак невозможно, не потому, что голова ослабела — зачитаешься, а потому что редкий день и в пол, и в потолок, и в окно, и в дверь не стучали бы: „Плати по счету!“ А платить нечем. И не привыкнешь. Вот и тормозят. А кроме того, надо было время подумать и сообразить». Вот эта характерная его, типичная ремизовская интонация и его построение фраз. Как вы заметили, что никогда и нигде у него не употребляется слово: «которое», «которому», «которого». Это он считает насаждением немцев в XIX веке, в виде Грота и других. Он никогда не прибегает к причастиям, которые несвойственны русскому языку. Он обычно относит свой язык к той эпохе, когда он существовал под названием, по-старинному, церковнославянский язык, но люди говорили на другом языке, потому что то был литературный язык. И вот в селе Коломенском, вот там, где мы сейчас ходим из комнаты в комнату, где сидели писцы за этими столами, где были знаменитые сундуки, на которых они ночевали по ночам, а днем и ночью тоже пытали различных арестованных... ну, по делу Болотникова, по разным делам, и в петровскую эпоху — вот тогда люди под пыткой говорили на русском языке. И эти дьяки стенографировали этот русский язык. Он сохранился, он имеется в записях. Он использован Алексеем Ремизовым и Алексеем Толстым в романе «Петр I». Нужно сказать, что вот там «который, которому, которого» вы тоже не найдете. Но это мелочь. У Солженицына тоже нет «которого, которому», но нельзя сказать, что Солженицын ученик Ремизова. Но, как я уже говорил, очень много учеников у Ремизова, и язык его совершенно изумительный. Теперь я хочу, Адюнечка, чтоб ты сказала примерно

о тех вечерах, которые устраивал Алексей Михайлович.

О вечерах у Ремизова

А.С.: Да, да.

В.Д.: Да, как вот эти приемы, вы говорите: было много народу, как это организовывалось? Ведь большие деньги нужны, чтобы принимать, и, конечно, прежде всего...

А.С.: Да-да. Нужно было, значит, найти деньги, конечно, прежде всего чтобы нанять зал. Потом вкакой-нибудь знакомой типографии, скажем, Сосинский или еще кто-нибудь печатал эти билеты...

В.С.: Приглашения и билеты и программы.

А.С.: И программы. теперь...

В.Д.: Сохранились такие билеты и программы?

В.С.: Да.

А.С.: Теперь, билеты эти разносились по домам богатых людей, которые брали и платили, согласно своей щедрости и возможностям. Причем часто брали билеты и не ходили. Первые вечера, вероятно, так в большинстве случаев и было. Ремизов щедро раздавал даровые билеты молодежи и людям, которые могли, то есть которые хотели и любили его слушать, но не могли заплатить. А потом его полюбили как чтеца, потому что читал он замечательно. Первая половина обычно бывала это что-нибудь из классиков, значит, или Гоголь, или Толстой...

В.С.: Пушкин.

А.С.: ...Пушкин...

В.С.: Лесков.

А.С.: Лескова очень много, а потом читал Ремизов уже свое. Читал он изумительно, так что слушали его необычайно. Самые первые вечера, между прочим, так, для оживления, для привлечения публики, я помню, что выступала и Плевицкая, такая певица была русского фольклора. Но потом уже только он один. И уже публика валила валом, потому что так любили его чтение.

В.С.: Происходило это на бульваре Распай, в знаменитом таком отеле, который назывался «Лютеция». Это огромный зал, который вмещал, ну, по крайней мере, до восьмисот человек. И всегда было переполнено. Я вижу его стоящим на сцене, обязательно в смокинге, в черном смокинге...

В.Д.: Да что вы!

В.С.: ...большие роговые очки и очень много он говорил наизусть, иногда брал текст, иногда смотрел в текст. Причем все забывалось. В первые же минуты его чтения... Казалось бы, что это? Читает ли это актер, читает ли это поэт, читает ли... кто читает эти вещи? И выяснялось, что Алексей Михайлович умел соединять в себе все лучшее, что было в каждой из этих профессий.

” Даже если, например, он читал Пушкина «Сказку о рыбаке и рыбке», это казалось, что сам Пушкин читает. Если это был «Вий» Гоголя, так мы и слышали Гоголя, Гоголя, в каждой его строке.

А между тем все, на что он напирал, — это не смысловая была сторона дела, а какая-то внутренняя музыкальная, ритмическая сущность прозы каждого писателя. И когда он доходил до своих собственных

произведений, скажем «Подстриженными глазами» или, скажем, «Огненная Россия. Слово о Достоевском», которое возникло так именно, во время чтения или, скажем, «Плач о Блоке», сила этого воздействия была потрясающая, люди плакали, слушая такие вещи. И был бесконечный успех у него. Каждый раз этот вечер, который длился часа три, этот вечер истощал физически Алексея Михайловича до такого состояния, что он превращался в пустой мешок. Уже этот бедный смокинг и прочее уже ничего на нем не сидело, а висело, и мы его с трудом усаживали в такси и везли домой, потому что он был на краю обморочного состояния. Он был весь потный, мокрый... Но он читал, голос его гремел из этого маленького тела, голос гремел почти шаляпинский. И каждая интонация была именно тем дорогом, что она была изучена долгими-долгими часами такого вслух чтения, которое он проделывал у себя в одиночестве или когда были друзья.

В.Д.: Это вот самые такие вечера. А я, задавая вопрос, имел ввиду и другое. Вот его собственные суаре. Вы говорили: «Там бывали...» И вы перечислили...

В.С.: Нет, это нельзя назвать суаре, потому что кроме чая и печенья на этих суаре ничего не было. Никогда не было ужина и обеда, у Ремизовых мы не ели. Банкетов у него не было. Нет, вечером, случайно приходили к нему, не созываемые, никогда он никого не звал.

В.Д.: Вот как это проходило?

А.С.: Просто к нему приходили, звонили. Когда было слишком много народу, тогда он устраивал чтение, чтобы не было такого шума и какой-то неурядицы и таких разговоров. А иногда просто он был очень увлечен чем-нибудь, какой-нибудь вещью, тогда ему хотелось это читать. Ну, иногда бывало, что кто-нибудь приходил, скажем, из русских советских писателей, кого он очень ждал. Тогда у него даже были заградительные такие записки на двери, что: «Прошу не...» Я не помню как, ну, в такой шутилой всегда форме, что в этот день нельзя к нему. Ну, если кто-нибудь приезжал из Советской России, кто не хотел встречаться так с большим количеством эмигрантов, и просто к Алексею Михайловичу...

В.С.: Ну, скажем, Бабель или Никулин, мало ли кто приезжал... Ольга Форш...

В.Д.: Вы с Никулиным тоже встречались?

В.С.: Я — нет. А Ремизов встречался. Тут я встречался, в Москве, несколько раз.

В.Д.: Он долго жил за границей.

В.С.: Долго.

В.Д.: Ну, а вот эти самые молодые люди, которых Серафима Павловна называла дураками, они, собственно, зачем к нему ходили и что от него хотели?

А.С.: Просто его очарование влекло к нему, потому что просто вы себя чувствовали действительно как в волшебном каком-то мире, совершенно другом. Но вы знаете, что Алексею Михайловичу очень хотелось — это иметь каких-то наследников. Вообще, он литературу видел, как какой-то постепенный процесс: Аввакум, скажем, там, линия Толстого, Пушкина. Толстой — это не его линия. Тургенев — это совсем одна линия, там, Достоевский, Лесков — вот это другая линия.

В.С.: Да, но Достоевский в смысле содержания. Под большим влиянием Достоевского, о боли, о страданиях, о человеческих... не только такие романы, как «Пруд», но и много других вещей сказывается огромное ощущение Достоевского, и это сказалось...

Алексей Ремизов. Лев Толстой. 1930

В.Д.: Но стилистически, конечно, его отец Лесков.

А.С.: Лесков, да-да.

В.С.: Совершенно правильно. Но каким-то образом и Гоголь, не всюду, не во всех вещах. И потом у него еще есть, кроме Аввакума, несомненно, есть еще такие писатели, которые не оставили большого следа в русской литературе, но которые несомненно чем-то с ним связаны.

В.Д.: Кого вы имеете в виду?

В.С.: Ну, скажем, там <нрзб> или, скажем, там Вельтман...

А.С.: Ну да, потому что там волшебное, именно волшебство.

В.С.: Много волшебного, такого... этих писателей давно забыли, а Алексей Михайлович их помнил и тоже великолепно их читал, выбирал. Да, мы не отметили одну очень важную вещь, Ариаднушка, ее надо обязательно сказать: это о его любви к снам.

А.С.: Да. Еще одну минуточку. Вот про молодых писателей. Ему хотелось найти каких-то последователей, чтобы передать эту линию каким-то молодым. А так случилось, что молодые, любя его и приходя к нему, в смысле литературном не хотели идти по его следам, потому что он настолько сам был силен и ярок, что, конечно, это бы просто было бы влияние, так сказать, наносное...

В.Д.: Подражание.

А.С.: ...подражание и только бы помешало. Это его очень огорчало: что писатели молодые читали ему, но не были его учениками. Ему бы хотелось именно иметь какую-то студию, следить, помогать людям читать, показывать...

В.С.: Как, например, Чехов все пытался создавать какие-то студии, чтобы создавать новых актеров. И всякий раз у него почти все срывалось, кроме студии в Америке, где он действительно создал целую плеяду актеров. А сам он не мог выступить тут, Чехов. Когда он приехал в Германию, им заинтересовались все великие режиссеры, но немецкого языка он не знал. Когда он приехал во Францию, французскому не научился, когда приехал в Соединенные штаты Америки — английскому не научился. И так его жизнь была разбита и окончательно показала ему, что он актер без языка. Тогда он рванул в сторону учебы. И тут действительно он создал целый... не говорю, имена... скажем, самый крупный сейчас актер в Америке Юл Бриннер. Это человек русского происхождения, совершенно... ученик Михаила Чехова. Или, ну... сотни других. Но это, это...

В.Д.: Это вы хотите сказать, что у Ремизова было такое же желание...

В.С.: Да, желание создать свою студию писателей.

А.С.: Но это не удалось.

В.С.: Но не нашлись такие люди, которые бы пошли...

А.С.: Единственно только — это Кодрянская.

В.С.: Ну, Кодрянская, ну еще Шпот и еще... и еще ... этот самый... не Пантелеймон Романов, а похожая на эту фамилия...

А.С.: Да-да-да-да.

В.С.: Ну, неважно. Три человека, в общем.

Об отношении Ремизова к СССР

В.Д.: А, вы говорите, что он уехал, но что он, в общем, был настроен просоветски. Как там?... Для нас это не совсем ясно... Струве, «Возрождение» — это было самое правое...

А.С.: Да, да.

В.Д.: «Последние новости» — это было умеренное, либеральное, миллюковское, так?

А.С.: Да.

В.Д.: И Миллюков ведь во время войны, кажется, стоял на антигитлеровских позициях?

В.С.: Безусловно!

А.С.: Да-да-да-да.

В.С.: Абсолютно. И он желал победы Красной Армии.

В.Д.: Да?

В.С.: Да.

А.С.: А Ремизовы, как и Цветаевы, считали, что они, так сказать, просоветские и... Про Ремизова говорили, что он ласковый теля двух маток сосет, что он и там и сям старается... Но это так...

В.С.: Часто вспоминали, что он был ни кем иным до Октябрьской революции, как социал-демократом.

В.Д.: Он был социал-демократом?

В.С.: Да. И сидел он в ссылке много лет как демократ, социал-демократ.

А.С.: С Савинковым он был...

В.С.: Значит, он фактически не только не был народовольцем и эсеровцем, а он был большевиком, потому что...

В.Д.: Большевиком, наверное?

В.С.: Нет, не меньшевиком, а именно большевиком, потому что и в своей «Взвихренной Руси» он себя несколько раз называет большевиком. И это эмиграция не ему забыла, что он на себя взял такую смелость, не переделать свою «Взвихренную Русь», издавая в Берлине, а оставить все так, как было написано в России.

А.С.: Например, с Гиппиус была очень дружна Серафима Павловна Ремизова, а в эмиграции они рассорились на политической почве, потому что...

В.С.: Да, она никогда не принимала у себя ни Мережковского, ни Гиппиус.

В.Д.: Ну, а... Он ведь перешел в советское подданство?

В.С.: Единственный большой писатель, единственный, потому что Бунин не брал советского паспорта. Это, между прочим, неправильные сведения были здесь у нас.

В.Д.: Здесь были разговоры, что... исходили они, в основном, от ныне уже покойного Николая Дмитриевича Телешова, что Бунин собираете вернуться.

В.С.: Нет, он был настолько... настолько был яростно настроен против всего нового в России, что, даже издавая «Темные аллеи» в Нью-Йорке, в издательстве имени Чехова, на просьбу издателей написать предисловие, он написал две строчки, которые были напечатаны: «Прошу эту книгу, набранную по новой орфографии, считать набранной по старой».

А.С.: Технически у них не было ятей и твердых знаков, а он не признавал новой.

В.С.: Подписано было: 47-й. Как раз тот год, когда мы все превратились в советских граждан.

В.Д.: Как вот это происходило? И, в частности, для Ремизова?

В.С.: Вот. Произошло это с того момента, когда посол советский Богомолов, который был долгое время послом в Китае, он опубликовал верховный указ, указ Верховного Совета от 14 июня 1946 года, в котором предлагалось эмигрантам восстановить советское гражданство, если они не запятнали себя...

В.Д.: Сотрудничеством...

В.С.: ...сотрудничеством с немцами. Это было сделано для Франции и Югославии.

В.Д.: Где было активное сопротивление.

В.С.: Активное сопротивление. Вот с этого момента... буквально... надо сказать, не тысячи, а даже десятки тысяч, почти что чуть ли не вся эмиграция получила советские паспорта. И тут уже были считанные из известных людей, которые не брали паспортов. Вот Бунин не брал, Мережковский не брал, Гиппиус... Хотя Мережковского, по-моему, к этому времени, кажется, уже не было в живых. Но во всяком случае, Алексей Михайлович из крупнейших писателей, который взял паспорт. Ну, судите по тому, что когда был банкет в посольстве в присутствии Молотова, то именно Алексея Михайловича посадили по правую руку от Молотова, как самого крупного представителя русского искусства.

В.Д.: За рубежом. И значит, он присутствовал и сидел рядом с Молотовым?

В.С.: Да.

В.Д.: И что ж, поговорили?

В.С.: Поговорили. Причем, понимаете ли, это нам рассказывали люди, которые подслушали этот разговор, да и сам Алексей Михайлович довольно правдиво и не ошибаясь передает рассказ, уже не замечая того,

что мы чуть-чуть улыбались, потому что были в каком-то смысле на стороне Вячеслава Михайловича. Спрашивает его Вячеслав Михайлович: «Вот, Алексей Михайлович, — говорит он ему, — я еще в юности читал, и ваш „Пруд“ читал, и знаю ваши вещи...»

В.Д.: Да?

В.С.: Да. Показал свое полное знакомство с предметом. Ну, может, ему секретари подсказали до встречи с Ремизовым. Ну, короче говоря, разговор был такой теплый, хороший. «Ну, как вам теперь живется?» — спрашивает его Вячеслав Михайлович. «Все у нас, — говорит, — плохо» — «Почему же плохо? Материально плохо?» — «Нет, — говорит (к тому времени у него дела материальные улучшились), — нет, — говорит, — мышка, мышка повадилась» — «Какая мышка, — вздрогнул Вячеслав Михайлович, — какая мышка?» — «Вот мышка из соседней квартиры, повадилась ходить. И вот, понимаете, шуршит-шуршит. Ну, я пойду открою дверь — она входит. И мы так всю ночь бедуем вместе». А Вячеслав Михайлович совершенно не понимал, что это такое: импровизация ли, издевательство над его постом министра иностранных дел или это враги какие-то там завелись в его квартире. Короче говоря, беседа шла в таком виде, что оставила у Вячеслава Михайловича впечатление, что у Алексея Михайловича не все дома.

Но для меня это совершенно ясно, вот этот фактик, который для знающих Ремизова, даже и те, кто его не знают, они легко поймут, в чем... где проходит та линия между нормальной, обыденной жизнью и фантастическим миром Ремизова. Для Алексея Михайловича было совершенно безразлично, сидит ли перед ним Молотов, мировое имя, сидит ли перед ним мышка, с которой можно разговаривать или вот ваш покорный слуга. Он не видел никакой разницы.

 Это только Бунин, подавая мне два пальца, говорил: «Ну, как стишки?», хорошо зная, что я пишу рассказы.

Ну, это всегда, так сказать, было такое разделение, понимаете... на определенные классы.

В.Д.: Высокочиновное (?) хамство, да?

В.С.: Да. Это типично для него было такое. Или, например, когда я говорил о Достоевском, был разговор какой-нибудь о Достоевском, то он, конечно, в присутствии Алексея Михайловича все это было, он старался посадить меня в галошу и утопить Достоевского самыми такими неожиданными аргументами.

А.С.: Он нарочно...

В.С.: Он нарочно путал Настасью Филипповну с Грушенькой, Алешу Карамазова, скажем, с Мышкиным. Он все это, все это в такую кашу превращал и издевался над всем этим материалом, который... в этой каше, в этом болоте ничего нельзя было разобрать. Короче говоря, это совсем другая фигура, Алексею Михайловичу противоположная. «Дворянин Елецкого уезда», как называл его Святополк-Мирский, который хорошо сказал о нем, что это «редкое соединение большого дарования в ничтожной душе».

В.Д.: О! Здорово сказано. Это Мирский сказал?

В.С.: Да.

В.Д.: А вообще, вы с Буниным встречались, нет?

В.С.: Главным образом у Ремизова.

В.Д.: Только это, да?

В.С.: И на вечерах, где мы, находясь в кружке прогрессивном, который назывался «Кочевье», всегда выступали против Бунина и всего, что окружало Бунина.

